

К.Н. Любутин, С.В. Франц

ЧЕЛОВЕК В ФИЛОСОФИИ А.В. ЛУНАЧАРСКОГО

Любутин Константин Николаевич
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
философии и права УрО РАН,
заслуженный деятель науки РФ

Франц Светлана Викторовна
кандидат философских наук, доцент
Уральского юридического института
МВД

Высокой напряженностью и особой качественностью были отмечены все деяния Анатолия Васильевича Луначарского. Достаточно рано он осознал, что каждый день должен быть прожит как «*avant dernier tour*» (*франц.* как «перед последним туром»).

Луначарский закончил знаменитую 1-ю Киевскую гимназию. А так как за политическую деятельность получил в аттестате зрелости «4» по поведению, то закрыл себе путь для поступления в русский университет. В 1895-1896 годах он учился в Цюрихском университете, уделяя главное внимание марксизму и эмпириокритицизму. Именно в университетские годы закладывался колоссальный фундамент его знаний. Луначарский слушал курсы анатомии, физиологии, политической экономии, истории и литературы, но больше всего интересовался философией.

Возвратившись в Россию, Луначарский возобновил пропагандистскую работу в пролетарских кружках, за что неоднократно арестовывался полицией. Революционная деятельность Луначарского была многогранной: он – активный участник первой русской и Октябрьской революций, делегат ряда партийных съездов,

организатор партийных школ на острове Капри и в Болонье...

После революции Луначарский 12 лет находился на посту наркома просвещения России (1917-1929), его организационная деятельность в этом плане и теоретические установки толком еще не изучены. Н. Крупская имела все основания заявить, что не было другого человека в стране, который бы сделал больше для народного просвещения, чем Луначарский. Он был государственным деятелем и философом, драматургом и дипломатом, ученым и поэтом, одно время – директором Института русской литературы (Пушкинского дома)...

Луначарского можно назвать универсальной личностью возрожденческого типа, образцом всесторонне просвещенного и образованного «коммунистического» человека – такого, о каком он мечтал и какого описывал в своих произведениях. Сохранить страну как национально-территориальную целостность, прорвать экономическую и политическую блокаду, создать новую науку и культуру могли титанические личности, к числу которых принадлежал Луначарский. Он был достойным посланником Советской России за рубежом, представлял ее культуру, образование, науку, поэтому стал олицетворением интеллигента-революционера-просветителя.

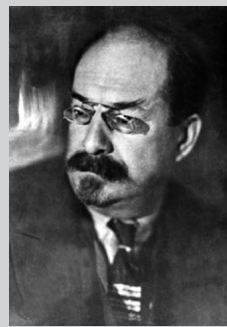
Деятельность Анатолия Васильевича Луначарского многогранна, отдавая должное этой грандиозной личности, остановимся лишь на некоторых аспектах его философского учения. В ранний период творчества Луначарский интересовался философией науки, вопросами естествознания, а в поздних философских произведениях обнаружил интерес к проблемам экзистенциальным. Как философия стремится к воспроизведению цельной картины мира, так и Луначарский попытался создать всеобъемлющую философскую концепцию, включающую вопросы гносеологии, антропологии, философии жизни, онтологии, однако основное внимание в течение всей жизни он уделял проблемам человеческого бытия. Антропология стала для него центральным пунктом онтологии.

Что же представляло собой бытие для Луначарского и какое место в нем отводилось человеку? В целом онтологические взгляды Луначарского покоились на «критическом материализме» Маха и Авенариуса. Мир признавался эмпириокритиками реально существующим независимо от человека, но

данным ему посредством опыта. Вслед за ними Луначарский считал, что мир не сотворен Богом и не является порождением идеи, опытно познаваем, объективен, вечен, целостен, непрерывен и закономерен (см. ранние работы Луначарского А.В.: «Основные идеи эмпириокритицизма», «К вопросу о познании», «Заметки философа» и др.). Кроме того, мир — это идеально отрегулированный биологический механизм, подчиняющийся всеобщим законам. Все процессы, происходящие в человеке и природе, принципиально тождественны, будь то психика или физические явления, которые воспринимаются посредством психики: «... существенным и непосредственным условием ощущения всегда является определенный нервный процесс... Всюду, где я ощущаю... пространство, я должен признать однородный нервный процесс... Так физика, биология и психология соприкасаются друг с другом... и именно физиология органов чувств доводит их до взаимного соприкосновения... Материя есть сравнительно постоянная закономерная зависимость ощущений друг от друга, а человек есть часть природы», — утверждал еще идейный наставник Луначарского Э. Мах.¹

Подобно материалистам-сенсуалистам XVIII в., позитивисты считали источником знаний ощущения, которые порождены в человеке воздействием материальных предметов на его органы чувств. Взгляды Луначарского на мир и положение в нем человека напоминают механистический материализм эпохи Просвещения, работу Гольбаха П. «Система природы», в которой он объяснял физические и духовные явления, привычки с позиций чистого механицизма; сочинение Ламетри Ж. «Человек-машина», где человеческий организм был представлен как самозаводящийся часовой механизм. Французский материализм приветствовал природную необходимость как единственную силу, управляющую миром и людьми, эмпириокритики делали то же самое. Им свойственно признание подобия мира и человеческой жизнедеятельности. Для Луначарского человек также являлся органичной частью мира и развивался по единым для всего живого законам, которые устанавливались наукой.

У Луначарского, как у просветителей и эмпириокритиков, мы обнаруживаем «отказ от противопоставления миру действительности, миру, каким изучает его наука, какого-то другого мира, как вещи в себе».² Каждая же наука, считал он, охватывая свой круг конкретных явлений, выводит свой возможно более общий строй законов. Строит ряд пирамид, подножия которых покрывают весь мир, а вершины возносятся над ним. Философия же берет за исходные пункты именно эти вершины, обобщая и рационализируя научный «хаос». Луначарский-позитивист, подобно материалистам XVIII в., считал, что чувственное познание является лишь первым шагом на пути исследователя. Сущность реальности может быть познана только

разумом. Как писал Гельвеций в трактате «Об уме», уму свойственно наблюдать, обобщать и делать заключения. Эту функцию, по мнению Луначарского, в отношении частных наук выполняет философия: она обобщает и рационализирует действительность. Философия у Луначарского, как и разум у просветителей, «занималась» поисками абстрактно-общего начала, созиданием некоего универсального закона. «В процессе мышления о мире мозг вырабатывает новые формы подвижного равновесия, внутренне закономерные, обладающие необходимым для жизни характером стройности и связности и в то же время отвечающие требованиям многообразной среды. В сознании успех этой выработки высшей формы равновесия сказывается как умственный рост, как закономерное познание природы; каждый шаг по этому пути к познанию, именно как шаг к устранению мучительного расстройства и замене его единством, испытывается как высокое наслаждение... захватывающая прелесть логического познавательного мышления вырастает до того умственного восторга, который освещен греками именем «философии», т.е. любви к мудрости»,³ — утверждал Луначарский. И в этом смысле просветительский сенсуализм Луначарского смыкался с идеями немецких просветителей-рационалистов. В истории философии имеет место широкий подход к толкованию понятия «рационализм», при котором он рассматривается как широкое идейно-теоретическое течение, выражающее взгляды, потребности, общественное настроение определенных социальных классов, слоев, групп на определенном этапе общественного развития, и на основе этих умонастроений вырабатывающий определенные методологические установки для ориентации человека в практической деятельности и познании. Рационализм здесь связывается с идейными устремлениями передовых, прогрессивных сил общества, находящихся на восходящей стадии своего развития. Для него характерны возвеличивание человеческого индивида как активного, свободного и равноправного существа, исторический оптимизм, вера в безграничные возможности человека в познании и преобразовании природы. Рационалистическая установка Луначарского-эмпириокритика и позволила ему сформировать отношение к человеку

как к творцу и нового мирового порядка, и себя самого.

Поэтому не случайно, будучи еще позитивистом, Луначарский с большим энтузиазмом воспринял экономическую теорию и социологию Маркса: они подтверждали выводы позитивизма о законосообразном развитии экономики, общества и человека. Луначарский считал марксизм формой практической реализации позитивизма. Более того, установление Марксом всеобщих законов развития – диалектического и исторического материализма – как нельзя лучше вписывалось в монистическую картину мира эмпириокритиков. И в материализме, и в эмпириокритицизме законы мышления и законы бытия содержательно совпадали, онтология пересекалась с гносеологией и антропологией. Подобно просветителям, марксисты и махисты были убеждены в неограниченности познавательных и созидательных возможностей человека. Он, как разумное существо был призван стать властелином мира, перестроить общественные отношения на разумных основаниях.

Человек в антропологии Луначарского – это здоровый живой организм, который всегда есть машина для того, чтобы приспособить к себе мир и самому приспособиться к миру, он всегда есть машина, чтобы утверждать все более победоносно равновесие внутри и по отношению к внешним событиям. Опыт человека Луначарский, вслед за эмпириокритиками, поставил в центр Вселенной. То же мы находим и у марксистов. Основная роль в экономическом и социальном преобразовании мира Марксом отводилась человеческому труду (термин, используемый Марксом вместо эмпириокритического «опыта»). Луначарский понял, что для Маркса философия – это перевод знаний о человеке в мире на язык человеческой практики. Таким образом, и марксисты, и эмпириокритики сходились во мнении, что люди сами делают свою историю. Только эмпириокритики считали, что путем приспособления мира к себе (или приспособления себя к миру), а марксисты признавали, что мир – это не храм, а мастерская (следовательно, человек в ней – строитель). Однако движущие силы для изменения бытия они находили в разных явлениях. У Маркса это материальные условия жизни. У Луначарского – сведение жизни к биологическим факторам, подмена конкретной исторической диалектики общественного развития, классовой борьбы совершенно абстрактной категорией биологического рода-вида.

Однако наметившаяся в онтологии Луначарского марксистская тема труда постепенно уступила место теме человека: Луначарский целиком принимает формулу античного софиста и субъективиста Протагора – «человек есть мера всех вещей». Действительно, когда Маркс сказал «... прежние философы думали, как истолковать мир, а мы ставим задачу переделать мир», то он дал самое исчерпывающее определение этической, – пояснил

это высказывание Луначарский, – нравственной сущности материализма, ибо никакого утешающего истолкования мира мы не даем, не занимаемся тем, чтобы сказать, что мир вообще ужасен, но если-де его перетолковать, то он покажется приятным. Именно потому, что мы безусловно честно и мужественно смотрим на мир и чуем в себе запас сил и способностей переделать его, мы провозглашаем такой лозунг: человек, еще дезорганизованный, в могучем процессе организующий свои силы в экономическую систему, называемую социализмом, должен преодолеть среду, очеловечить ее, не тем, чтобы рассказывать басни, будто бы миром правит на деле какой-то сверхчеловек с бородой, бог, а очеловечить с тем, чтобы сделать эту природу реально зависимой от человека путем познания законов природы и их применения в нашей все растущей, все более богатой и могучей технике...».⁴

Нужно признать, что практика, труд в марксистском смысле так и остались непонятыми Луначарским. Говоря о материальности всего существующего, о человеке как творце истории, о труде как факторе, преобразующем действительность, Луначарский в труде видел махистскую разновидность энергии: «Процессы природы идут не по аналогии с мыслью, а по аналогии с трудом, по аналогии с тем, что мы чувствуем в своих мускулах, с борьбой, когда сцепляются две силы и неизвестно, которая из них победит, по аналогии с нашей собственной энергией, а самое слово энергия в переводе значит труд».⁵ В основании философских взглядов Луначарского покоятся вопросы гносеологии, над ними возвышается онтология, венчает же пирамиду Человек, для которого (после перехода власти в руки пролетариата) решение нравственных и этических проблем становится самым насущным.

Дело в том, что вопросы морали, этики, культуры были обойдены создателями научного социализма. «Дух марксизма был резко антиутопический и резко антиэтический», – писал Луначарский в «Этюдах критических и полемических».⁶ На этом «слабом месте» их учения и сосредоточил свое внимание Луначарский. Он дополнил теорию марксизма образными картинками обновленного бытия, иллюстрирующими то, что должно быть в идеале. Другими словами, Луначарский изобразил марксистский идеал во всей полноте его проявления – в искусстве, литературе, морали... Образцом для социального идеала у Луначарского стал христианский социализм, имеющий сходные с коммунизмом онтологические установки. Марксизм и христианство Луначарский считал продуктом творчества пролетариата, а научный социализм – воплощенным христианским «царством правды», которого ждут и ради которого страдают люди. Однако социализм, утверждал Луначарский, только берет христианский идеал, но делает с ним то, что те же пролетарии античного мира сделать не

смогли: «...совершенно реалистично анализируют нынешние пролетарские пророки, т.е. пролетарские ученые мир, как он есть и куда он стремится, но кроме того еще пролетариат чувствует себя силой среди сил... он есть сила разрушительная... Но мало разрушить, надо еще создать, и пролетариат чувствует себя в силах создать».⁷ Как Луначарский формулирует этот идеал? «Мы понимаем его как высокую цель, которую мы выставляем в программе наших действий, которая, будучи всеохватывающей, вносит порядок в те действия, которые мы производим... он есть действительность, которая будет осуществлена... Идеалом проникнут каждый наш шаг, и этот идеал не уступает никаким другим, ибо вера наша в человека безгранична».⁸ Как видим, Луначарскому не был чужд идеализм в вопросах социалистического строительства. В принципе, все его онтологические постулаты так же гуманны и общи, как и христиански, поскольку слишком абстрактны и недостижимы: «Марксизм... рисует нам это будущее, как достижение огромной братской организации сил всего человечества для борьбы с природой и для мощной переделки мира, согласно плану, продиктованному всечеловеческим разумом и всечеловеческой волей к максимальной мощи и к максимальной счастью».⁹

Философии вера Луначарского в «нового человека», «человека светлого будущего» привела его к богостроительству, которое коррелировалось с идеями Ницше о богочеловеке. Существует мнение, что «богостроительство» и есть одна из попыток перенести ницшеанство на русскую почву. «Если уж кто-то не может жить, никого не обожествляя и не поклоняясь ему, пусть уж лучше обожествляет не бога, а все лучшее в человеке, все наивысшие достижения человечества».¹⁰ Дело еще и в том, что в марксизме, эмпириокритицизме и философии жизни были точки соприкосновения, позволявшие идеям свободно перемещаться из одного философского течения в другое. В нашем случае – это прагматическая направленность всех вышеперечисленных направлений; их стремление стать «общим делом»; волюнтаризм и жажда обновленной, насыщенной, мощной, свободной и красивой жизни; мечта о сверхчеловеке. «В учении Ницше усматривали высший религиозный гуманизм, основной ценностью которого является личность, способная творческим порывом сравняться с божеством. Отечественная онтология также была наполнена метафизикой бытия. «В России основной вопрос философии замыкался на поиск... места России в общечеловеческой истории. Отсюда и интерес к некоей «самости» личности, определявшей специфику русского общества, преувеличение духовного начала перед рациональным, стремление

к аскетизму в мысли»,¹¹ обожествление человека. Поэтому богостроительство Луначарского можно назвать разновидностью моральной философии, ставившей целью создание на основе марксизма этики и религии без бога, место которого занял человек. Для Луначарского смысл человеческой жизни состоял в самосовершенствовании через культурное просвещение в процессе осуществления исторического предназначения – строительства коммунизма.

В поздний период творчества у Луначарского наблюдался отход от материалистической онтологии и обращение к метафизике бытия. Правда, по этому поводу сам Луначарский высказался так: «...рядом с... (французским – *авт.*) материализмом, который являлся одним из корней нашего марксистского материализма, развился идеализм революционный, который являлся другим корнем нашего марксистского материализма». Еще Сен-Симон предупреждал, что для того, чтобы основать новое общество, нужна новая религия. Поэтому попытки Луначарского и его соратников достичь идеала в области культурного строительства и просвещения народа в России, соединить религиозную культуру со светской, воплотив идеал в жизнь, привели к возникновению феномена религиозной веры в возможность построения коммунизма, то есть к религии советизма.

1 Цит. по: Блонский П. П. Современная философия.

М., 1918. С.75, 76.

2 Луначарский А. В. Идеализм и материализм. М., 1924. С.14.

3 Авенариус Р. Критика чистого опыта. В популярном изложении А. Луначарского. Новая теория позитивного идеализма. Критическое изложение А. Луначарского. М., 1905. С.112-113.

4 Луначарский А. В. Идеализм и материализм. С.20-21.

5 Там же. С.41.

6 Указ.соч. М., 1905. С.290.

7 Луначарский А. В. Христианство и марксизм. М., 1923. С.22-23.

8 Лекция на собрании ячейки ВКП(б) Наркомпроса РСФСР 9 марта 1929 г.) // Луначарский А. В. Об атеизме и религии. М., 1972. С.98.

9 Луначарский А. В. Марксизм как мирозерцание // Беседы по марксистскому мирозерцанию. Ленинград, 1926. С.14.

10 Перцев А. В. Что действительно говорил Ницше // Ницше Ф. Утренняя заря (Morgenrothe). Мысли о моральных предрассудках. Свердловск, 1991. С.292.

11 Русский позитивизм: Лесевич, Юшкевич, Богданов. СПб., 1995. С.13.